

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.0

М.П. Абашева, О.П. Криницына

ПРОБЛЕМАТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ФЭНТЕЗИ

Рассматривается процесс реформирования национальной идентичности современного россиянина, каким он предстает в текстах массовой литературы – в частности, в популярном сегодня в России жанре славянских фэнтези. Анализ романов Ю. Никитина «Князь Рус» (2007) и М. Семеновой «Там, где лес не растет» (2007) обнаруживает характерные для сегодняшнего дня стратегии идентификации русского народа в ряду других славянских народов, в мировой истории.

Ключевые слова: национальная идентичность; массовая литература; славянские фэнтези.

Национальная идентификация – безусловно, процесс, а не результат. Немецкий политолог А. Нойманн справедливо заметил, что «идентичность – это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса» [1. С. 210]. Дискурс национальной идентичности сегодня развивается очень активно. Ведь рубеж XX–XXI вв. по очевидным причинам стал периодом крайне интенсивного формирования новой национальной идентичности – и славян вообще, и русских в частности.

Переопределение национальной идентичности славян в последние десятилетия стимулируется геополитическими переменами: распадом СССР и стран социалистического содружества. Утративший в 1990-е гг. самосознание гражданина великой державы, россиянин восстанавливает его через идеализацию нации – порой вполне агрессивную (этим и объясняется, в частности, всплеск националистических настроений 2000-х гг.). В 2000-е гг. усилились компенсаторные – по отношению к 1990-м гг. – настроения и поиск оснований для новой позитивной идентичности.

В такие периоды важно изучение любых нарративов о национальной самоидентификации. Литературные нарративы, и массовая литература особенно, дают возможность наблюдать процесс формирования нации как «воображаемого сообщества». Б. Андерсон понимает под этим термином социально сконструированное общество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть [2. С. 30]. То есть коллективная связь культурно целостного сообщества возможна именно при посредстве воображения, а литературный нарратив как раз плоды этого воображения фиксирует и транслирует. Так, в частности, формируются и ценности общества.

Популярные на рубеже веков славянские фэнтези стали наиболее выразительным примером нарратива о происхождении и ценностях русского народа.

В самом именовании жанра славянских фэнтези есть внутреннее противоречие. Произведения М. Семеновой, Ю. Никитина, Е. Дворецкой, А. Поснякова и др. вовсе не укладываются в рамки собственно фэнтези – жанра, занимающегося конструированием вторичных миров – волшебных и прекрасных, как у Дж.Р.Р. Толкиена. То есть магии и колдовства в романах Юрия Никитина, Марии Семеновой, Елизаветы Дворецкой и многих других авторов предостаточно, но миры, изображенные в них, решительно тяготеют к исторической

реальности. Е. Дворецкая, например, полагает своей задачей «изобразить древнюю жизнь во всей полноте – и область материальной культуры, и представления о мире, воплощенные в верованиях и обрядах» [3]. Правда, научно обоснованная историческая реальность вовсе не становится догмой, важнее оказывается утверждение ценностей русского народа: в романе Е. Дворецкой «Зеркало и Чаша» не варягов призывают для установления русской государственности, а русская девушка плывет помогать варягам с управлением их собственной страной. Может быть, для того-то в этих историях о славянах, близких по своей жанровой структуре, скорее, историко-приключенческому роману или, порой, боевику, и сохраняется определение «фэнтези»: оно легитимирует исторические «вольности». Авторы славянских фэнтези одновременно видят себя «историческими романистами» (Мария Семенова фундирует достоверность созданных ее воображением миров, написав популярную энциклопедию «Мы – славяне!» – вольное, но старательное переложение работ Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова и др.), но при этом хотят быть свободными в своих фантазиях. Примечательно, что и сами авторы чувствуют парадоксальную неоднозначность и разнонаправленность собственной интенции: Е. Дворецкая в предисловии к одному из своих романов написала, что все ее романы по замыслу фантастические, но «именно фантастический роман и будет по-настоящему историческим, когда речь идет о столь отдаленной эпохе...» [4. С. 408].

Но все же эволюция славянских фэнтези движется по пути от «фэнтези» – к «славянскому». Если в первых книгах серии Марии Семеновой о Волкодаве, построенных по канонам западного героического фэнтези, славянские коннотации использованы скорее как колорит, то в более поздних книгах («Там, где лес не растет») мотивы славянской истории и мифологии образуют и аксиологический пласт произведения. Юрий Никитин в первых романах серии «Трое из леса» только намекает на славянское происхождение своих героев (Мрак, Олег и Таргитай), а героя его романа 2007 г. зовут князь Рус (это имя вынесено в заглавие романа).

Итак, славянские фэнтези – книги о происхождении русского народа, причем версий этого происхождения множество, они носятся в воздухе эпохи. Идеологической основой и претекстом этого жанра становится неомифологический по природе дискурс о судьбе русского народа. Это контаминация сциентистского и

обыденного знания, совокупность взглядов на вопросы происхождения славян, их генетические связи, историю. Наиболее популярные образчики этой идеологии – небезызвестные концепции А. Дугина о сверхгосударстве, где этносы будут иметь статус политического субъекта, о сохранении национальной идеи, идентичности и подлинной суверенности, а в более конкретном плане – книги В. Демина «Арийский след на карте России» (2008), А. Асова «Календарь русских волхвов» (2008), «Арии. Славяне. Русь» (2008), А. Абрашкина «Скифская Русь» (2008), Гнатиюков «Довелесова книга» (2007). Ядро этой квазиидеологии, мифологического конструкта – представления о более древней истории славян, чем предлагают учебники (сегодня особенно актуализировалась «арийская» версия), идея России (Руси) как особой третьей цивилизации, «золотой середины» между Западом и Востоком. Особенно активно эта проблематика развивается на специальных сайтах: «Орден Велес» <http://orden.ru/>, «Русь великая» <http://www.dazzle.ru/spec/tr-links.shtml><http://>, «Щит Симаргла» gavislava.al.ru/main.htm и многие другие.

Описанный мифологически-идеологический субстрат прорастает в литературных текстах в самые удивительные версии происхождения русского народа. Собственно, проблема происхождения, начала истории нации и становится главным сюжетным стержнем славянских фэнтези. И тут существует несколько вариантов: славяне произошли от скифов (в романах Ю. Никитина), от варягов (в романах М. Семенова, Е. Дворецкой), напрямую от ариев (в романах С. Алексеева).

Юрий Никитин в романе «Князь Русь» (2007) как раз и описывает процесс становления славянских этносов – поляков, чехов. Но главным интересом для автора остается становление русских. Никитин явно опирается на вполне хрестоматийную «скифо-сарматскую» миграционную теорию, впервые зафиксированную Баварской хроникой XII в., согласно которой предки славян переселились из Передней Азии вдоль Черноморского побережья и осели под этнонимами «скифы». Сегодня это одна из типовых версий школьных и вузовских учебников. Герои романа Никитина многократно сами называют себя скифами, используя этот этноним как провозглашение своей силы для устрашения противника: «Скиф! Я – сын твой!» (эта манера самоименования, конечно, не соответствует исторической истине: еще Геродот в одном из первых описаний Скифии упоминал, что этот народ называет себя сколотами – по имени царя, скифами же называли их греки).

По сюжету трое братьев – старший Чех, средний Лех и младший Рус – вынуждены покинуть царство своего отца Пана и отправиться искать свою судьбу. Сама фигура Пана заимствована из греческой мифологии – это божество стихийных сил природы, покровитель горных лесов и пастбищ. Такая отсылка к греческим мифам соответствует общим представлениям о заметном влиянии греческой культуры на развитие и историю скифов. Исход братьев, в общем, соответствует сюжетам славянского эпоса, где в сказаниях разных эпох фигурируют Чех, Лех и Рус. За сюжетную основу Ю. Никитин берет, видимо, сказание «О Словене и Русе и городе Словенске», о походе двух потомков скифского племени – Словене и Русе, которые покинули

берега Черного моря и двинулись на север, а затем заложили города Словенск и Руссу. Примечательно, что именно это сказание использует А. Абрашкин в своей книге «Скифская Русь» (2008) в качестве доказательства происхождения русской нации от древнеарийской.

В романе Ю. Никитина братья – славяне не уступают друг другу во внешней красоте. Чех «был в расцвете мужской силы, гигант с золотыми волосами... мощные пластины груди казались выкованными из светлой меди, а в спокойной лежащих на луке седла руках, толстых, как стволы молодых ясеней, чувствовалась несокрушимая мощь» [5. С. 7]. Средний брат похож на старшего, он «стройный, как молодой ясень... широкие пластины груди, живот тоже был в ровных валиках мышц, ...а синие глаза смотрели с дерзкой удалью» [5. С. 19]. Младший же, Рус, «хотя не уступал ни по росту, ни по мощи рук, но чувствовал себя слабым и потерянным...» [5. С. 125] рядом с могучими и уверенными братьями – так в сказочном каноне и подобает младшему сыну (вообще фэнтези сохраняет преемственность по отношению к волшебной сказке). Яркой характеристикой при описании героев являются их боевые кони: исполинский белый конь Чеха, красный, как закат, яростный конь Леха и диковатый, черный, как ночь, жеребец Руса. Кони под стать своим хозяевам: Чех рассудительный, понимающий, ответственный, «единственный, кто живет головой»; Лех нетерпеливый, с жадной приключений в глазах, живущий сердцем, и Рус, совершающий необдуманные поступки то ли от отваги, то ли от дурости, живущий мечтами и грезами. Одним из его необъяснимых поступков становится похищение девушки неизвестного рода и племени с ритуального костра: Рус осмеливается отобрать невесту у самого бога. Влюбившись, он пытается понять на протяжении всего своего пути, кто она, на каком языке разговаривает, почему так не похожа на скифских светловолосых и голубоглазых красавиц. Похищенная Ис – черноволосая, с крупными почти черными глазами, удивительно тонким носом – напоминала скорее ночного демона, чем реальную женщину.

Но судьба не позволяет Русу долго пользоваться опекой старших братьев. Увидев на пути три высохших русла реки, Чех принимает решение, что братьям нужно разделиться: «Разве не видно, чего хотят от нас боги? Три дороги легли от исполинской поляны богов. А нас трое братьев. Есть ли яснее знаки? Расставаться надо сейчас, пока мы в любви и согласии. Нельзя задерживаться до времени, когда начнется недовольство, свары, распри...» [5. С. 101]. Так в романе начинается история трех народов.

И уже по тому, как боги указывают трем братьям дальнейшую судьбу, складывается представление о судьбе народа в целом. Знаком богов для Леха оказалась битва белоснежного сокола-сапсана и утки, что предвещало великий путь в великий город. Лех должен был найти обетованные земли, «где земля настолько жирна, что из нее можно давить масло. Трава там сочная и сладкая, в реках тесно от рыбы, стаи жирных гусей не боятся человека» [5. С. 105]. Это будет путь отряда, который станет племенем, а потом народом. Чеху боги ознаменовали путь багровым солнечным лучом, указывающим на запад. Что также символизировало

победу: «...ты приведешь людей в благодатные земли, где воцарится мир и счастье. Кровь будет литься на кордонах, но не в самом царстве... Да, у тебя будет великое царство. А люди, что пойдут за тобой, будут зваться чехами!» [5. С. 108]. Одному Русу солнечные боги отказались предсказать путь. После мучительного ожидания, уже ночью заблестела звезда и «устремилась к черной земле» [5. С. 114], указав на север. Кто указал дорогу племени Руса, и что ждет его впереди – осталось неизвестным: «Твой путь темен, от воли богов не зависит» [5. С. 115]. Поэтому с Чехом ушли лучшие воины, здоровые женщины, забрав при этом добротные обозы; Лех увел хороших коней, кузнецов и лекарей: именно они – сильные, смелые и образованные – создадут чешские и польские народы. Русу осталось немного суровых воинов, пара безусых юнцов, но больше увечных, стариков и детей. Казалось бы, этому племени не суждено выжить и стать народом, но именно из темных, больных, неудачливых людей и получится в итоге романа сильные, неустрашимые завоеватели.

Пока Рус и его люди вынужденно идут все дальше на север, сражаются с врагами, с суровыми климатическими условиями, голодом, принимают в свое племя беглых рабов и воров, завоевывают земли и создается этнос – русский народ.

Такому быстрому процессу «перевоспитания» способствовало создание общей идеологии и общего мифа. Князь Рус вместе с непризнанным жрецом Корнилой придумывает новых богов и новые языческие ритуалы: «Наши волхвы на ходу переплавляли нас из скифов... в руссов. Придумывали новые обряды, одежду» [5. С. 504]. Выбравание волос на лбу превращается в символический знак избранных. «Белому свету суждено погнубнуть в огне... Или потопе... Но наш Род свой народ отличит по этим чубам. И, ухватив мощной дланью, вытащит и спасет от гибели! ...А другие пусть горят к такой-то матери! Аль топнут! ...А по новым землям, возрожденным и чистым от скверны, расплодятся как муравьи только люди нашего семени» [5. С. 147]. Недавнее сожаление Руса о разлуке с братьями («Не бросай меня, Чех!», «...по мне бы – всю жизнь под твоей рукой ходил») обернулось лозунгами превосходства над остальными, в том числе и братьями: «Новые земли! Только мы! Боги и русы!» [5. С. 147].

Важно, куда именно приходит герой и его народ в результате своих скитаний. Князь Рус ведет народ в земли, про которые никто не знает, они идут на север, где «стена льда с версту в высоту, а в длину – до самого края мира» [5. С. 147], и сейчас там «лед стаял, оставив бесконечное болото, что подсохло малость, кое-где выросли леса» [5. С. 151]. Сами герои называют эту землю легендарной Гипербореей (кстати, именно так и называется серия, в которую входит роман). Гиперборея (мифологическая прародина арийцев) и становится в романе местом, где основались русы. То есть русы и есть арийцы. (Такой финал – вполне в духе популярной тенденции поиска национальной идентичности через борьбу за максимально древних «великих предков» [6. С. 100].)

Земли, куда приходит Рус, оказываются занятыми другим народом, также вынужденным покинуть свои родные земли. Этот народ с библейскими именами,

рассказывающий предания о Яфете, об Аврааме и Саре. Самым молодым и смелым их воином оказывается Иисус, который жаждет отмщения русам и считает их «худшими из гоев» [5. С. 200].

Первые столкновения с иудеями приводят Руса к упоению собственной силой: «Мы сильнее всех... Мы сильнее, свирепее! Мы как хищные волки в стаде глупых блеющих овец. И теперь это все наше...» [5. С. 156]. Однако сила русских наталкивается на ум иудеев. Хитростью Соломону и его племени удается выиграть одно из решающих сражений с руссами. После такого поражения Рус решает увести своих людей с этих земель. Помешала же... любовь молодых руссов и иудеев. Молодые девушки-иудейки покоряют воинов-руссов знаниями об устройстве мире, звездах, легендах и т.д., русы милы новым невестам своей силой, преданностью и храбростью. Окончательно разрешает противоречие открытие о том, что похищенная князем Русом Ис является тоже иудейкой. Это заставило Руса решиться на небывалое, он остается на этих землях, заключив мир с иудеями ради своей любви: «А правду говорят волхвы, что по любви получают самые красивые и умные дети? И народы – тоже» [5. С. 506].

Казалось бы, это компромиссное решение должно закрыть вопрос о том, кто лучше и сильнее, но лучше опять оказались русы, ведь именно их князь принимает решение объединиться. Русские победили потому, что оказались великодушнее. Сама тема эта не кажется экзотической в контексте славянских фэнтези: проблема взаимоотношений славян и Хазарского каганата поднимает и Е. Дворецкая в своем романе «Зеркало и чаша», где славяне и хазары борются за плодородные земли, за право собирать дань.

Итак, начиная повествование с иллюстрации идеей о скифском происхождении русских и ведя их на север, в Гиперборею, Никитин в финале объединяет руссов и иудеев. Эта версия этногенеза, такое «политкорректное» решение объединяет полярные версии и словно бы снимает возможные упреки в адрес адептов идеи чистоты и величия русской расы в антисемитизме. Русские у Никитина одновременно оказываются и потомками скифов, и земляками древних ариев, и родственниками евреев.

Собственно, такая медиация, снятие противоречий и является одной из главных функций массовой литературы.

Таким образом, роман Ю. Никитина – это версия процесса самоидентификации русского народа. Именно эта тема, по утверждению социологов литературы, оказывается активно востребованной сегодняшним читателем [7], поскольку касается болезненно острой проблемы национального самоопределения.

Этот вектор – поиска национального генезиса и самоопределения – кажется, руководит и Марией Семеновой – одной из основательниц жанра славянского фэнтези. С каждым новым романом ее герои все больше напоминают не абстрактных добрых силачей вроде Волкодава, но вполне узнаваемых «веннов», например, за которыми угадываются славяне.

В недавнем романе «Там, где лес не растет» (2007) Семенова описывает мир вымышленный, но многими своими чертами напоминающий о ранней истории славян. Пространство, где живет Коренга и его племя вен-

нов, – это непроходимые глухие леса, болота: «...мы всюду дома, где лес есть... мы дети Кокорины, Хонга да Конда, Голомень да Разсоха, Мяндач да Железный Дуб» [8. С. 11], причем в сносках автор специально указывает, что все имена происходят из мира деревьев и леса.

Славянская мифология в романе угадывается очень легко (разумеется, эта легкость входит в авторские намерения). Природные силы, к которым обращается герой, соотносятся с языческими божествами: Вечная мать – Земля, Небо – Сварог, Гроза – Перун; здесь рассказываются предания о Хозяйке Судеб, которая крутит свое веретено и определяет судьбу героев. Коренга весь свой путь благодарит попутный ветер, мать – сыру землю, солнце ясное, спасающее от царства мертвых, преподнося им дары и жертвы. М. Семенова использует сведения о хорошо изученных и узнаваемых обрядах, языческих праздниках (например, праздник Рождения Мира, когда «впервые день равняется с ночью» [8. С. 7]). Автор неуклонно держится той реконструированной системы ценностей славян, какую она сама изложила в своей популярной энциклопедии «Мы – славяне!» (2007).

Венны (родное племя главного героя) напоминают исторических невров, действительно живших в V в. до н.э. – их считают предками славян, на что указывает сама Семенова [9. С. 9]. А праобразом страны виллов, где завершается путешествие героя, – северной страны ветров и горных лабиринтов – становится, по всем текстовым приметам, Гиперборея. Причем акцентируются не столько те смыслы, что восходят к древнегреческой мифологии, сколько мифология северной цивилизации, где Гиперборея рассматривается как арктическая прародина арийцев и славян, находящаяся где-то за Рипейскими горами (современные исследователи определяют это место за Полярным Уралом или в районе Кольского полуострова) [10].

В соответствии с легендами о Гиперборее страна виллов представляет собой острова, завершающиеся огромной горой (высокая Хааре у зороастрийцев, неизменно высокая Меру у протоиндийцев) – от края мира до края, здесь светло и не заходит солнце. На этот миф в тексте Семеновой есть множество указаний. Они соответствуют традиционной мифологии: так, Коренга со своей спутницей едва спасается от летящих на него бесчисленных стрел (именно в Гиперборее Аполлон хранил свои стрелы).

На гиперборейской горной гряде (одновременно это – Центр мира, ибо здесь соединяются Небо, Земля и преисподняя) и завершается инициация героя: полетел и он, и его пес-симуран. По замечанию В.Я. Проппа, «во время обряда посвящения юноша превращается в своего помощника» [11. С. 124]. И герой, и его волшебный помощник воплотили свои способности именно в стране виллов («И волшебство Крылатых было тут ни при чем. Просто вымески растут и мужают не так, как родительские породы» [8. С. 471]), тем самым обнаружив свою «генетику», связь веннов и виллов. Герой заново родился – уже гиперборейцем. В системе семеновской романной географии это означает чудесное обнаружение родства веннов-славян и гиперборейцев-ариев, что вполне соответствует главной идее сторонников неоязычества о славяно-арийском единстве и общей прародине. Более того, Коренга в романе оказывается царским наследником, причем нареченным: знак передал ему (через волшебного помощника) воскрешенный на одну только ночь царь древней цивилизации (эта сцена – несомненно, напоминание о Золотом веке древней Арктиды). Настоящий, по крови, царский наследник оказался недостойным этого знака, а венн (славянин) заслужил его своим благонравным, чтящим традицию рода поведением.

В стремлении привлечь внимание читателя авторы славянского фэнтези используют и другие пути – имеющие целью, прежде всего, развлечение. Сегодня широко распространились иронические славянские фэнтези, такие как «Иван-царевич и С. Волк» С. Багдериной, «Новорусская баллада» М. Высоцкого, «Чертовский переполюх» В. Пучкова, роман И. Мерцалова «Три дня без чародея» и др.

В ситуации разложения традиционного жанра исторического романа жанр славянского фэнтези канонизирует массовые ожидания, потребность массового читателя к позитивному самоопределению, пошатнувшемуся в 1990-е гг. в ситуации распада великой державы.

Таким образом, тривиальный жанр массовой литературы немало может сказать как о проблематике современного массового сознания, так и о развитии традиционных жанров массовой литературы на отечественной почве. Западные образцы, как водилось и ранее в русской литературе, преобразуются почти до неузнаваемости (славянские фэнтези все меньше похожи на романы Дж.Р.Р. Толкиена) и берут на себя «просветительские» функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Neumann I.V. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7, № 2.30. P. 349.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288с.
3. Официальный сайт Е. Дворецкой. Режим доступа: <http://www.zaveta.ru/forum/>
4. Дворецкая Е. Зеркало и чаша. СПб.: Крылов, 2007. 416 с.
5. Никитин Ю. Князь Рус. М.: Эксмо, 2007. 507 с.
6. Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследие (Этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. 1996. № 5. С. 100–113.
7. Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы. М.: Новое издательство, 2004. 352 с.
8. Гудков Л., Дубин Б. Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // Либеральные реформы и культура. М., 2003. С. 13–89.
9. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа // Гуманитарные исследования. 2003. № 2. С. 44–46.
10. Семенова М. Там, где лес не растет. М.; СПб., 2007. 480 с.
11. Семенова М. Мы – славяне!: Популярная энциклопедия. СПб., 2007. 560 с.
12. Голубев С. КСПЭ-2005 // Русское географическое общество. Режим доступа: <http://www.yperboreia.org/about.asp>
13. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. 185 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 ноября 2009 г.